

Священная война

Музыка А. Александрова
Слова В. Лебедева-Кумача *

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!

Не смеют крылья чёрные
Над Родиной летать,
Поля её просторные
Не смеет враг топтать!

ПО ВСЕЙ СТРАНЕ в городах и сёлах люди собирались у репродукторов и слушали первые военные сводки. Началась всеобщая мобилизация. К 1 июля — через 8 дней после начала войны — численность Красной армии увеличилась более чем на 5 миллионов человек! У военкоматов стояли огромные очереди добровольцев. Те, кого в армию не брали, вступали в народное ополчение.

3 июля по радио выступил Председатель Государственного Комитета Обороны Иосиф Виссарионович Сталин. В выступлении Сталина прозвучало: «...Красная армия, Красный флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и сёла, проявлять смелость, инициативу и смётку, свойственные нашему народу».

Фашистская Германия, сумевшая захватить к лету 1941 года половину стран Европы, не ожидала такого мощного сопротивления и начала народной войны. Вся страна, все люди как один поднялись на защиту Отечества.

* * *

...В те грозные дни в народное ополчение уходили сотни и тысячи людей. Уходили семьями. Из институтов — курсами, с предприятий — цехами. Запись в ополчение производилась прямо на фабриках, на заводах и, конечно же, в военкоматах.

Сидят люди. Рядом с другими сидит подросток. Ясно, что лет ему пятнадцать, не более. Тут же сидит старик. Ясно — лет шестьдесят ему, не менее.

— Сколько же тебе лет? — спросили другие, ждущие очередь к военкому, у подростка.

— Семнадцать, — ответил подросток.

Усмехнулись. Всем ясно — пятнадцать ему, не более.

— Ну, а вам сколько же лет, папаша? — обратились люди теперь к старику...

Сорок девять, — сказал старик. — Даже ещё неполных.

Дошла до подростка очередь. Прошёл он в кабинет к военкому. Вышел понуры. Не взял его в ополчение.

Скрылся за дверью старик. Разговор в кабинете был громкий.

— Да я ещё — ого-го. Я ещё молодого заткну за пояс.

— Не могу. Нельзя. Поймите.

— Да я ещё в гражданскую войну ротой командовал, да я ещё в первую империалистическую войну Георгиевский крест получил...

Вышел старик. Вид угрюмый. Много лет старику для того, чтобы записывать его в ополчение.

...На следующий день, когда ополченцы явились на сборный пункт, смотрят, а там в строю уже стоят и вчерашний подросток, и вчерашний старик.

— Вот это да! — поразились люди.

Правда, у подростка с ополчением так ничего и не вышло. Заметили его. Вернули назад. Война — не детское это дело. А вот старик так и остался вместе со всеми.

— Дедушка, — обращаются к нему, — да ты хотя бы присел на одну из повозок.

Сердится старик, негодует.

— Какой я вам дедушка! — вскинул голову: — Я — боец! Я — солдат!

Самым удивительным оказалось то, что ему было даже не шестьдесят лет, а целых восемьдесят. Как раз летом 1941 года восемьдесят лет исполнилось. Каким он чудом попал и удержался в ополченцах, так никто и не смог понять. Однако имя и фамилию его запомнили — Иван Иванович Резниченко.

С. Алексеев. * Из рассказа «Дедушка»

